

УДК 342.4

**О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ ЭССЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ? ПОСИЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ»**

© 2020 г. Н. М. Добрынин

*Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 06.11.2020 г.

Аннотация. В статье проведен анализ одного из самых известных эссе знаменитого российского литератора А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения», со дня выхода которого в свет в этом году исполнилось 30 лет. С опорой на суждения А.И. Солженицына, высказанные еще три десятилетия назад, а также на различные точки зрения современных конституционалистов автор формулирует вывод о том, что изменение качества конституционализма не может быть само по себе связано с какой бы то ни было ревизией норм Конституции РФ. Напротив, формирование аксиологически насыщенного фона социальной жизни и конституционализация общественно-политической сферы должны основываться на нравственных устоях российского общества, которые способны стать источником достижения социальной солидарности, возрождения доверия между личностью, обществом и государством, заложить надежный фундамент для полноценной реализации конституционных положений и послужить необходимым импульсом в целом для правовой модернизации России.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция РФ, сбережение народа, государственное устройство, долг, обязанность, ответственность, нравственность, патриотизм, права человека.

Цитирование: Добрынин Н.М. О некоторых итогах и перспективах конституционно-правового развития современной России: к 30-летию со дня выхода в свет эссе А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» // Государство и право. 2020. № 12. С. 93–105.

DOI: 10.31857/S102694520012738-2

**SOME RESULTS AND PERSPECTIVES OF THE CONSTITUTIONAL
LEGAL DEVELOPMENT OF THE CONTEMPORARY RUSSIA:
TO THE 30th ANNIVERSARY OF ESSAY “HOW COULD WE MAKE
RUSSIA FIT? FEASIBLE CONSIDERATIONS” BY A.I. SOLZHENITSYN**

© 2020 N. M. Dobrynin

*Institute of state and law of the Tyumen state University;
Tyumen Scientific Centre SB RAS*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 06.11.2020

Abstract. In the article the analysis of one of the most known essay of the famous Russian writer A. I. Solzhenitsyn “How could we make Russia fit? Feasible considerations”, which was firstly published 30 years ago from nowadays. Relying upon the arguments of A. I. Solzhenitsyn, formulated by him even just three decades ago, as well as on the views of the contemporary constitutionalists, author makes the conclusion that all the needed improvements of the contemporary Russian constitutionalism cannot be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution, whatever revisions could be. Contrarily, the process of formation of value-enriched fundamentals of social transactions and the constitutionality of socio-political sphere is to be founded on the ground of moral basics of the Russian people which are able to become a source of achieving of the social solidarity, revival of a trust between people and government, maintain a firm basis for a complete implementation of the constitutional provisions and serve as a starting point for the whole legal modernization of Russia.

Key words: constitutionalism, the Constitution of the Russian Federation, caretaking on people, arrangement of State, duty, obligation, responsibility, morality, patriotism, human rights.

For citation: Dobrynin, N.M. (2020). Some results and perspectives of the constitutional legal development of the modern Russia: to the 30th anniversary of essay “How could we make Russia fit? Feasible considerations” by A.I. Solzhenitsyn // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 93–105.

Как нам обустроить Россию? Постановка проблемы — тридцать лет спустя...

Завершающийся 2020 год, бесспорно, войдет в историю российского конституционализма как год весьма обширного обновления и конституционного текста, и складывающихся в этой связи общественно-политических практик.

Речь идет, конечно же, о поправках в Конституцию России, внесенных в текущем году по инициативе Президента РФ В.В. Путина, одобренных по итогам общероссийского голосования и вступивших в силу 4 июля 2020 г.¹ Эти поправки в определенном смысле подводят итог достаточно длительного этапа конституционно-правового развития государства, имевшего продолжительность более четверти века, и в то же время намечают контуры и тенденции дальнейших общественно-политических преобразований в современной России.

Вместе с тем ни для кого не секрет, что внесенные в Конституцию РФ поправки не станут некоей панацеей — «волшебной таблеткой», — способной излечить все имеющиеся в Российской Федерации проблемы и социальные недуги. Собственно, эти поправки, как представляется, и не задумывались их разработчиками в качестве такого средства: их миссия состоит, скорее, в фиксации, с одной стороны, тех принципов и подходов к организации и деятельности публичной власти, которые уже сложились к текущему моменту, а также, с другой — в углублении соответствующих тенденций (если говорить, например, об усилении властной вертикали посредством тесной интеграции в единую систему отправления публичной власти такого относительно автономного от государства, секуляризированного института, каковым является или по крайней мере должно являться местное самоуправление).

Безусловно, сегодня многие, в т.ч. и авторитетные коллеги-конституционалисты, подчеркивают, что внесенные в 2020 г. в Конституцию РФ поправки усиливают уровень конституционных гарантий личности в аспекте особой заботы государства о детях, семье, традиционных ценностях, развитии сферы социального обеспечения граждан и т.д.

Однако не меньшее (а возможно, и большее) число сограждан задаются вопросом: а прежний текст Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. разве не позволял проводить соответствующую государственную политику, закреплять и обеспечивать требуемые гарантии личности, развивать социальную сферу и повышать уровень социального обеспечения нуждающихся?

Конечно, для исследований сугубо юридического профиля непосредственная оценка подобных суждений кажется недопустимой, но справедливо и то, что современное правовое видение вбирает в себя и такое направление, как юридическая социология. И это означает — не более того, но и не менее, — что вопросы, сходные с обозначенным выше, в нашем обществе имеют под собой вполне очевидные основания как в общесоциальном, так и в правовом контекстах; причем очевидные именно с обывательской, общегражданской точки зрения, а не с позиций строгих юридических догм.

Все эти основания так или иначе коренятся в коллективном травматичном опыте российского социума, который — в ретроспективе последних трех десятилетий — всегда был связан с несбывшимися ожиданиями людей, завуалированным, а подчас и неприкрытым невыполнением обещаний со стороны властей, вопиющими фактами незаконного обогащения отдельных лиц и откровенными нарушениями базовых прав человека.

Полагаем, что всё это, являя собой весьма неприглядную картину сохраняющегося по сей день онтологического разрыва между конституционным

¹ См.: Росс. газ. 2020. 4 июля. С. 1–5.

должным и реалиями общественно-политической жизни, позволяет вполне резонно утверждать: все существующие в России социальные проблемы, как, впрочем, и отдельные людские беды, происходят вовсе не из текста Конституции РФ, а коренятся в ответе на вопрос о том, кто, во имя чего и каким образом отправляет публичную власть — реализует Конституцию РФ и иные нормативные правовые акты, формирует тем самым подлинную картину социального бытия.

Следует признать: это означает, — поскольку мы всё еще чрезвычайно далеки от реального воплощения конституционных идеалов и базовых ценностей (будь то текст Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. или ее текст с учетом поправок, внесенных в 2020 г.), — что сформулированный 30 лет назад А.И. Солженицыным вопрос: «*Как нам обустроить Россию?*», — по-прежнему актуален и, видимо, будет актуален до тех пор, пока Россия, пользуясь выражением В.Д. Зорькина, *не возьмет правовой барьер*; т.е. до той поры, пока в государстве не произойдет полномасштабная и сущностная правовая модернизация, в результате которой Российская Федерация станет конституционным государством.

Считаем необходимым в подтверждение заявленного выше подхода, который при анализе формальных и реальных сторон сложившегося в данный момент российского конституционализма методологически предполагает оценку широкого круга социально-политических факторов (не ограничиваясь сугубо правовыми), опереться на авторитетное мнение Н.С. Бондаря, отмечающего, что «традиционный для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразируя известное выражение, можно отметить, что конституционализм — слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам. <...>. Категория “конституционализм” настолько многогранна и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в том числе пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретно-историческое содержание (курсив мой. — Н.Д.)»².

Соответственно, как заключает ученый, «го-сподствующее в общественном сознании оценки

конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее “возрастом” — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма»³.

Иными словами, если в государстве — спустя более чем четверть века после принятия Конституции РФ — определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобного положения дел следует искать вовсе не в тексте Конституции РФ.

Думается, что ныне, как и три десятилетия назад, главная задача по-прежнему состоит в том, чтобы глубоко и продуманно, с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества в достаточной степени развить те базовые ценности, нашедшие текстуальное закрепление в Конституции РФ, которые образуют прочный и неприкосновенный фундамент общественного согласия и солидарности (принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т.д.).

Полагаем, важно при этом обратить внимание на то, что ст. 2 Конституции РФ содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России — имеющими высшую категорию ценностями признаны человек, его права и свободы. И это обстоятельство решительно предопределяет человекоцентричную идею, лежащую как в основании правовой системы государства, так и вообще парадигмы любых прямых и обратных взаимодействий по линии «государство — общество — личность».

Справедливо здесь и то, что «вне зависимости от тех или иных подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и, соответственно, конституционной законности, конституционного правопорядка... И это не случайно: слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде»⁴.

Не сомневаемся, что не только сегодня, но и в обозримом будущем совершенно оправданной выглядит постановка вопроса: «*Как нам обустроить Россию?*», — вопроса, обозначенного

² Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 25.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 25.

А.И. Солженицыным, как уже было отмечено ранее, ровно 30 лет назад⁵.

Уверены, что подобная формулировка вопроса представляется еще более значимой с учетом того, что комплексная оценка феноменологических характеристик конституционализма — в любой стране и в любой исторический промежуток времени — не может состояться в отрыве от взаимосвязанных аспектов философии права: проблематики нравственных оснований правовой жизни, общих гуманистических представлений о правах и свободах личности, ее обязанностях и долге, оценки правовой культуры общества и бытующего в нем массового правосознания.

Давайте согласимся, что, собственно, все эти непростые моменты и формируют в целом структуру и соотношение реальных общественных практик, предопределяют актуальные векторы правовой модернизации государства на текущем этапе его эволюции.

Обращение к очерку А.И. Солженицына должно, по нашему замыслу, способствовать поиску ответов на эти вопросы. И хотя нынешние реалии жизни в России и в мире, безусловно, весьма далеки от тех условий, в которых глубокоуважаемый литератор и мыслитель излагал свои соображения по обустройству государства, признаемся — многие из его воззрений не утратили своего значения и по-прежнему актуальны.

Их более детальный анализ (насколько это возможно в рамках научной статьи) приводится нами в дальнейшем изложении. Конечно же, с поправкой на то, что по прошествии трех десятилетий не только Россия, но и в целом мир существенно изменились.

Идея сбережения народа — ключевой фактор модернизации социальной государственности современной России

Сегодня ни для кого не является откровением утверждение о том, что российский конституционализм по ряду ключевых признаков в полном смысле конституционализмом пока не является, несмотря на декларирование уважения к Конституции РФ и нарочито подчеркнутый либерально-демократический характер официальной риторики.

К сожалению, хотя проблемы укрепления конституционализма активно ставятся и обсуждаются и в академической среде, и политиками, пока практической пользы от таких обсуждений не

особенно заметно; но, безусловно, смысл в таких обсуждениях имеется: он состоит прежде всего в адекватной оценке «узких мест» в реализации аксиологических доминант Конституции РФ.

Одной из таких аксиологических доминант является конституционное провозглашение социальным государством.

Содержание данного конституционного принципа, безусловно, многогранно, поскольку социальность государства, а точнее, характер и уровень этой социальности, проступает в самых разнообразных срезях общественной жизни; и речь здесь идет не только об уровне и наборе социальных гарантий для граждан, но и, что немаловажно, о характере отношения государства (в лице своих институтов и отдельных представителей) к людям, о том, какой окрас имеет общий фон восприятия властью нужд и чаяний простого человека.

В связи с вышеизложенным, а также с учетом современных, в т.ч. и культурно-демографических, реалий видится принципиально важным обратиться к *идее сбережения народа*, которая и явно, и подсудно просматривается в целом ряде сформулированных А.И. Солженицыным тезисов.

Следует особо подчеркнуть, что мысль о необходимости сбережения народа как стержневом, vitalном элементе всей государственной политики в современной России, по сути, проходит «красной нитью» во всем рассматриваемом очерке Александра Исаевича, хотя непосредственно об этом он упомянул в своей работе лишь единожды, можно даже сказать, эпизодично.

Обращаем внимание заинтересованного читателя на его ключевой вывод, а именно: говоря о проблеме всепоглощающего повсеместного увлечения идеей верховенства прав человека, литератор отметил, в частности, что «права человека» — это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счёт прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти — каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать, — то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что *мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости* (выделено мной. — Н.Д.)»⁶.

⁵ См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Поисковые соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.

⁶ Там же.

Далее писатель завершил свою мысль во многом иносказательной, «едва уловимой» для прямого истолкования, отсылкой: «Размеренный выход из полосы наших несчастий, который Россия сумеет или не сумеет теперь осуществить, — трудней, чем было встряхнуться от татарского ига: тогда не был сокрушён самый хребет народа и не была подорвана в нём христианская вера. <...>. В 1754 году, при Елизавете, Пётр Иванович Шувалов предложил такой удивительный — *Проект сбережения народа*. <...>. Вот чудак? <...>. А ведь — вот где государственная мудрость»⁷.

Конечно же, в работе А.И. Солженицына наиболее остро идеи сбережения народа увязаны с состоянием транзита государства от советского общественно-политического уклада к новым государственно-правовым идеалам.

Так, он писал: «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый “советский патриотизм” и гордится той “великой советской державой”, которая в эпоху чушки Ильича-второго только изложила последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь холостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого, жадного, безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: “зато большая страна, с нами везде считаются”»⁸.

Полагаем, что многие в этих словах в моменте смогут узреть известные параллели, а наш авторский комментарий к сказанному Александром Исаевичем видится излишним.

Если же говорить о внутренних делах и национальных последствиях описанной им картины, то применительно к различным аспектам социальности российского государства они, по его мнению, выразились в следующем: «Все знают: растёт наша смертность, и превышает рождения, — мы так исчезнем с Земли! Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопёстрый сплав? — чтобы русским потерять своё неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её»⁹; и ссылаясь на И.А. Ильина, он подытожил: «Наш философ этого века Ив. А. Ильин писал, что духовная жизнь народа важнее охвата

его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей»¹⁰.

Мы не усматриваем, как и в случае с приведенными выше суждениями А.И. Солженицына, необходимости каким-либо образом комментировать и последние.

Нам представляется всё более чем очевидно: *возрождение России — в ее беспрестанной работе над своей собственной, внутренней повесткой*; а для заинтересованного читателя лишь укажем, что 2020 год даже по официальным правительственным прогнозам станет для нашей страны еще и годом рекордной за последние 14 лет убыли населения (на уровне около 158 тыс. человек)¹¹: даже масштабные общегосударственные программы демографического развития, включающие в т.ч. меры финансовой и материальной поддержки рождаемости, кажется, не способны переломить негативнейшую в плане сбережения народа тенденцию. Признаемся, что такая статистика заставляет задуматься.

Задаемся вопросом: правомерно ли считать три десятилетия реформ, прошедшие с момента выхода в свет анализируемого очерка А.И. Солженицына, успешными в плане преодоления социальных недугов, обозначенных знаменитым соотечественником?

Можем ли сейчас сказать, что в общем и целом Российская Федерация — социальное и правовое государство?

Полагаем, ответ здесь известен; а в свете этого — известного, — ответа следует особо обратить внимание на то, что у довольно обширной части населения на протяжении ряда лет ощутимо снижается уровень доверия к власти. Почему?

Например, С.А. Авакьян указывает ряд причин, с которыми едва ли возможно не согласиться:

во-первых, государство в лице своих органов не вполне удовлетворительно выполняет свои задачи. «Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги..., существенная утрата под влиянием западных “ценностей” патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам... К тому же и социальные задачи государство

¹⁰ Там же.

¹¹ Подробнее см., напр.: Старостина Ю., Скрынникова А. Власти спрогнозировали максимальное сокращение населения России за 14 лет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74> (дата обращения: 01.10.2020).

⁷ Солженицын А.И. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в безопасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»¹²;

во-вторых, неуклонно возрастает бюрократизация государства и его систем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих — не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли *номенклатурой*, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»¹³;

в-третьих, т.н. «*приватизация*» государства, сводящаяся к весьма линейной «*философии*»: «долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»¹⁴.

Негативный крен в отношении населения к власти пока носит умеренный характер. Замеры рейтингов и уровня доверия к Президенту РФ, Правительству РФ и Государственной Думе практически не меняются уже несколько лет.

Впрочем, подобная стабильность результатов замера рейтингов и уровней доверия к власти вызывает у многих и вопросы. Например, почему на фоне ухудшающейся экономической ситуации, продолжающегося роста бедности и негативных прогнозов на будущее, регулярного (и беззастенчивого!) роста тарифов ЖКХ, сложного положения семей с двумя и более детьми..., а этот перечень проблем вышеизложенным не ограничивается..., мы наблюдаем, что такие замеры точно застыли на месте? Нет ли здесь какой-то социологической уловки? Не грешат ли российские социологи заказными замерами рейтингов?

Следует признать, что увы, результаты анализа практики конституционализма неутешительны: текущая ситуация в конституционно-правовой сфере характеризуется лишь фрагментарным воплощением конституционных ценностей и идей, что отнюдь не может являться поводом для самоуспокоения и, тем более, для эйфории.

Надеемся, что с нами согласятся — еще одним сложнейшим вызовом, с которым современная Россия столкнулась в период перехода к рыночной системе хозяйствования и капиталистическому (в своей основе) укладу, стала *проблема социального*

одиначества, разобщения людей, их отчуждения друг от друга.

На наш взгляд, отсюда проистекает и разрастающееся год от года недоверие людей к власти и вообще всеобщее социальное недоверие как таковое; хотим мы это признать или нет, но при советской власти социального одиночества в таких масштабах, как сейчас, не наблюдалось, в т.ч. и потому, что граждан, испытывающих сложности в плане социализации, как правило, не «бросали»: сегодня можно сколько угодно потешаться над «*совковой*» (и в чем-то даже наивной, идеологически гротескной) практикой различных товарищеских комитетов, товарищеских судов, домовых комитетов и тому подобных институций, которые в эпоху, так называемой «*перестройки*» в одночасье были объявлены ущемляющими персональную свободу личности и подлежащими искоренению, но главный результат их работы в том, что социальных трагедий в те времена было на порядок меньше, чем в последние три десятилетия.

И это, пожалуй, то хорошее, что мы сегодня вполне могли бы «*заимствовать*» из нашей же собственной истории в попытке реанимировать и адаптировать к современным реалиям систему институтов социальной солидаризации.

Полагаем, что без такого подхода добиться осуществления конституционно заданной цели о социальном государстве будет крайне трудно, если вообще возможно.

Тем не менее *в контексте обсуждаемой здесь идеи сбережения народа проблема социального одиночества заслуживает отдельного, более детального рассмотрения* — ввиду, конечно же, ее исключительной сложности и многомерности.

Преодоление социального одиночества личности как фактор ревитализации духовно-нравственных начал в общественно-политической жизни

Нет сомнений в том, что заинтересованный читатель, безусловно, знаком с широко представленной в последнее время точкой зрения о том, что традиции Российской государственности исторически вобрали в себя черты соборности нашего общества, основаны на высоких требованиях духовно-нравственного порядка (чему во многом способствовала — справедливости ради это важно отметить, — высокая роль церкви и православия в общественной, в т.ч. и в политической, жизни в досоветскую эпоху развития государства).

Отсюда органически, как бы сам собою, конечно же, следует и вывод о краеугольной значимости для всего будущего государственно-правового развития

¹² Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 24.

так называемых «*духовных скреп*» российского народа — «*милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи*», как их и обозначил, и использовал обобщающее понятие о духовных скрепах, Президент РФ в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.¹⁵

Напомним, что в данном контексте Президент РФ говорил о явном дефиците этих составляющих в жизни российского общества.

Проблема, следует признать, не нова, и один из ее истоков — именно социальное одиночество личности, доходящее порой до самых настоящих личностных трагедий и откровенной неприкаянности людей.

Например, гениальный физик А. Эйнштейн (как бы это ни показалось читателю странным) в одной из своих — не самых известных, — работ, рассуждая на тему социализма и капитализма, писал: «Недавно я обсуждал опасность новой войны, которая, на мой взгляд, была бы серьезной угрозой существованию человечества, с одним умным и благожелательным человеком. Я заметил, что только наднациональная организация могла бы стать защитой от такой опасности. На что мой собеседник спокойно и холодно сказал мне: “Почему вы так сильно настроены против исчезновения человеческой расы?” <...>. Я уверен, что еще столетие назад никто не мог бы так легко сделать заявление подобного рода. Его сделал человек, который безуспешно пытался обрести какой-то баланс внутри себя и потерял надежду на успех. Это *выражение мучительного одиночества и изоляции, от которых в наши дни страдает так много людей* (выделено мной. — Н.Д.)»¹⁶.

Откуда же это одиночество и незримая, духовная изоляция личности? Почему так происходит на фоне одновременного экспоненциального роста доступности всевозможных социальных коммуникаций? Ответ во многом предопределен.

А. Эйнштейн в поиске решения обозначенной дилеммы писал: «Человек одновременно одинокое и социальное существо. Как существо одинокое он старается защитить свое существование и существование наиболее близких ему людей, удовлетворить свои желания и развить свои врожденные способности. Как социальное существо он ищет признания и любви других людей, хочет разделять их удовольствия, утешать их в горе, улучшать условия их жизни. <...>. Именно существование этих разнородных, зачастую противоречащих друг другу стремлений отличает особый характер человека, а их конкретная комбинация определяет, как

степень внутреннего равновесия, которого человек способен достичь, так и степень его возможного вклада в благополучие всего общества»¹⁷.

Известный ученый, продолжая свои размышления, отмечал: «Не исключено, что соотношение этих двух побуждений, в основном, передается по наследству. Но становление личности, в конечном счете, формируется окружением, в котором развивается человек, структурой общества, в котором он растет, его традицией и оценкой, которую общество дает тому или иному типу поведения»¹⁸.

Полагаем, невозможно возразить этому весьма ясному и в то же время глубокому наблюдению: по всему выходит, что индивидуальная изолированность, отчужденность личности, будучи культивируема обществом в предшествующее время, ширится и разрастается от поколения к поколению, превращая деградацию солидаристских оснований социального бытия в закономерность и, одновременно, неизбежный результат.

Мы с сожалением наблюдаем, и это явно и очевидно, что по такой логике современное общество чем далее, тем всё более и более стремительно движется не в направлении усиления роли различных социальных регуляторов (и прежде всего *права*), а к разобщенности, пресловутой гоббсовской «*войне всех против всех*», полной социальной дезинтеграции; любому думающему человеку всегда тяжело констатировать подобные утверждения, но рано или поздно точка бифуркации на этом пути может быть обществом пройдена, если не предпринять никаких решительных шагов по преломлению нарастающих и ускоряющихся тенденций.

Следует признать, что и Российская Федерация, к большому огорчению, не является каким-либо исключением: любой современный индивид (если, конечно, брать прежде всего государства т.н. западной цивилизации, к числу которых исторически принадлежит — во многом — и Россия) в вопросах социализации и социальной солидаризации руководствуется в первую очередь своими интересами; но такой эгоизм — а его росту решающим образом способствует гипертрофированная значимость человекоцентричной философии и вообще мировоззрения, — лишь путь в никуда и к окончательной утрате нравственности («*духовных скреп*») и, как следствие, усилению социального одиночества личности.

Справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на подобную ситуацию и А.И. Солженицын: «За что б мы ни взялись, над *чем* бы ни задумались в современной политической жизни — никому из

¹⁵ См.: Росс. газ. 2012. 13 дек.

¹⁶ Эйнштейн А. Почему социализм? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (дата обращения: 01.10.2020).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими *интересами*, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность»¹⁹.

Представляются в описанном выше аспекте весьма любопытными и заслуживающими поддержки дальнейшие замечания А. Эйнштейна, которые он сформулировал по поводу современного этапа в развитии человечества: «При высокой концентрации населения, чье существование зависит от производства товаров, исключительная степень разделения труда и высокоцентрализованный аппарат производства являются абсолютно необходимыми. То время, кажущееся нам теперь идиллическим, когда отдельные люди или сравнительно небольшие группы могли быть совершенно самодостаточны, — это время ушло навеки. Не будет большим преувеличением сказать, что уже сейчас человечество представляет собой одно планетарное сообщество в производстве и потреблении»²⁰, и «теперь... коротко... о сущности современного кризиса. Речь идет об отношении человека к обществу. *Как никогда раньше человек осознает свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее, как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию.* <...>. Более того, *его положение в обществе таково, что заложенные в нем эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, все больше деградируют. Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации* (выделено мной. — Н.Д.)»²¹.

Причины изложенного положения вещей А. Эйнштейн справедливо усматривал, как считаем, *в сложившемся механизме капиталистического хозяйствования*: подчеркнем, что речь идет не о стигматизации капитализма как такового, а именно о сложившемся механизме его функционирования в современном мире.

В частности, он писал: «*Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества.* Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены все больше стремятся лишиться друг друга плодов своего коллективного труда. И не силой, а по большей части соблюдая законом установленные правила. В этой связи важно понять, что средства производства, т.е. все производственные мощности, необходимые для

производства как потребительских, так и капитальных товаров, могут быть и по большей части являются частной собственностью отдельных лиц. <...>. *Частному капиталу свойственна тенденция к концентрации в руках немногих.* Это связано отчасти с конкуренцией между капиталистами, отчасти потому, что техническое развитие и углубляющееся разделение труда способствует формированию все более крупных производственных единиц за счет меньших. В результате этих процессов *появляется капиталистическая олигархия, чью чудовищную власть демократически организованное общество не может эффективно ограничивать* (выделено мной. — Н.Д.)»²².

Далее, изобличая главные пороки сложившегося капиталистического миропорядка, А. Эйнштейн констатировал: «Производство осуществляется в целях прибыли, а не потребления. Не существует никакой гарантии, что все, кто может и желает работать, будут всегда способны найти работу. Почти всегда существует “армия безработных”. Рабочий живет в постоянном страхе потерять работу. <...>. Поскольку безработные и низкооплачиваемые рабочие не могут служить прибыльным рынком сбыта, производство потребительских товаров ограничено, что приводит к тяжелым лишениям. <...>. Технический прогресс часто влечет за собой рост безработицы, вместо того, чтобы облегчать бремя труда для всех. Стремление к прибыли, в сочетании с конкуренцией между отдельными капиталистами, порождает нестабильность в накоплении и использовании капитала, что приводит к тяжелым депрессиям. <...>. Неограниченная конкуренция ведет к чудовищным растратам труда и к тому изувечиванию социального сознания отдельной личности, о котором я уже говорил. *Это изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма* (выделено мной. — Н.Д.)»²³.

Нам не приходится сомневаться, опираясь на убеждение в справедливости точки зрения А. Эйнштейна, что в нынешних условиях *проблема социального одиночества личности будет лишь нарастать*. Конечно, если экономический уклад останется прежним или даже усугубится. А отсюда, разумеется, и отражение экономических процессов в самых базовых, глубинных политических и этических процессах: ведь давно уже известно, что экономика, выступающая доминирующим средством реализации самых основных и первичных потребностей людей, неизбежно предопределяет ландшафт любых производных от нее социальных коммуникаций, включая, конечно же, и систему социальных ценностей и приоритетов.

¹⁹ Солженицын А. И. Указ. соч.

²⁰ Эйнштейн А. Указ. соч.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

И стоит ли здесь — теперь, — удивляться тому, что Президент РФ, как отмечалось выше, обратил внимание на явный дефицит «духовных скреп» в нашем обществе?

Следует признать, что, мягко говоря, далеко не совершенной (а в чем-то и по-прежнему дикой) экономике другую картину в этической и политической сферах мы наблюдать и не можем; а поскольку главным результирующим «выходом» экономики в социальную сферу всегда и во все времена являлась и является система распределения в обществе материальных благ (богатства), то без кардинального и решительного изменения сложившихся в этой системе колоссальных диспропорций ожидать каких-либо ощутимых макроизменений в этической и политической сферах жизни российского общества, к сожалению, не приходится.

И здесь мы не можем не обратить внимание на то, что об этом еще 30 лет назад писал А.И. Солженицын, анализ эссе которого по проблемам обустройства России составляет главный фокус данной работы.

Он, в частности, обращая внимание на взаимосвязь экономических условий, политической и этической сфер социальной жизни, отмечал следующее: «Рыдает всё в нашем сегодняшнем хозяйстве, и надо искать ему путь, без этого жить нельзя. И надо же скорей открыть людям трудовой смысл, ведь уже полвека никому нет никакого расчёта работать! и некому хлеб выращивать, и некому за скотом ходить. И миллионы обитают так, что и жилищами назвать нельзя, или по двадцать лет в гнойных общежитиях. И нищенствуют все старики и инвалиды. И загажены наши дивные когда-то просторы промышленными свалками, изрыты чудовищным бездорожьём. И мстит природа, неблагодарно презренная нами, и расползаются радиоактивные пятна Чернобыля, да не только его»²⁴.

Да, безусловно, есть за прошедшие десятилетия и явные позитивные изменения, и т.н. «новые ростки»; но являются ли эти изменения принципиальными? *Достаточно ли их*, чтобы кардинально переломить текущую ситуацию — совершить в конечном счете долгожданный прорыв, обозначенный высшим политическим руководством государства в качестве главной цели на предстоящие годы, — и сформировать устойчивый тренд на подлинное возрождение России?

Следует вспомнить, чтобы задаться этим вопросом резонно и с полным моральным основанием, хотя бы официальную статистику по уровню бедности, медианному заработку, количеству безработных (даже без учета его роста на фоне пандемии коронавирусной инфекции — COVID-19), а также

людей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, по степени изношенности основных фондов в жилищно-коммунальном хозяйстве и доле аварийных и ветхих домов, уровню обеспеченности населения элементарным — качественной питьевой водой (!).

Отдельная тема для разговора — организация деятельности по сбору и утилизации разного рода отходов, их переработке: масштаб проблемы таков, что промедление в ее решении грозит обернуться экологическим бедствием национального масштаба (и этот факт уже признан официально).

Особого упоминания заслуживают также доступность (даже территориальная) и качество бесплатной медицины, организационно-правовые, финансовые и материальные условия получения образования.

О пенсионном обеспечении и размере пенсий и говорить излишне; как и про поднятие планки возраста для выхода граждан на трудовую пенсию.

Путь преодоления накопленных проблем А.И. Солженицын усматривал, в частности, в следующем: *«надо дать простор здоровой частной инициативе и поддерживать, и защищать все виды мелких предприятий, на них-то скорей всего и расцветут местности, — однако твёрдо ограничить законами возможность безудержной концентрации капитала, ни в какой отрасли не дать создаваться монополиям, контролю одних предприятий над другими. <...>. Нельзя допустить напор собственности и корысти — до социального зла, разрушающего здоровье общества*. Противомонопольным законодательством необходимо в пределах любого вида производства регулировать непомерный рост сильно укрупнёнными налогами. Банки — нужны как оперативные центры финансовой жизни, но — не дать им превратиться в ростовщические наросты и стать негласными хозяевами всей жизни (курсив мой. — Н.Д.)»²⁵.

Надо ли говорить, что «рецепт», предложенный А.И. Солженицыным, актуален и ныне? Думается, что приведенная выше выдержка из его эссе имеет весьма ощутимые корреляции с изложенной точкой зрения А. Эйнштейна; одновременно в нем заключена и критика того положения вещей, которое мы без труда можем воочию наблюдать в российской действительности — имея в виду, конечно же, *сложившуюся и твёрдо оформившуюся институционально систему государственного капитализма*.

А.И. Солженицын, обращая наше внимание на явную связь экономической парадигмы с этической сферой социальной жизни, подчеркивал: «Веками гордость фирм и владельцев вещей была

²⁴ Солженицын А.И. Указ. соч.

²⁵ Там же.

неизносность товаров, ныне (на Западе) — оглушающая вереница всё новых, новых кричащих моделей, а здоровое понятие *ремонта* — исчезает: едва подпорченная вещь вынужденно выбрасывается и покупается новая, — прямо напротив человеческого чувству самоограничения, прямой разврат»²⁶.

По прошествии трех десятилетий после выхода в свет эссе с уверенностью убеждаемся, что этическая парадигма потребительской психологии (если не сказать, стяжательства) прочно укоренилась не только на Западе (который в приведенном выше тезисе упоминал Александр Исаевич), но, к великому сожалению, и в России.

Задаемся далеко не праздным вопросом: не является ли укоренение этой этической парадигмы, которая и зримо, и косвенно влияет на самый широкий спектр признаваемых в обществе ценностей (не только, да и не столько материальных, а, прежде всего, духовных) и их трактовку, закономерным результатом и очередным витком всё раскручивающейся спирали социального одиночества личности? Думается, ответ следует дать утвердительный!

И опять же далеко не риторический вопрос: что нас ожидает в этом контексте? Какая судьба уготована российской государственности в свете обозначенных выше проблем экономического и этико-аксиологического порядка? «А скажем и так: государственное устройство — второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявится при любом строе»²⁷, — как бы отвечает на сформулированные нами вопросы А.И. Солженицын.

Всем нам важно в этой связи уяснить еще одну крайне глубокую, но весьма лаконично сформулированную нашим признанным литератором истину: «Среди всех возможных свобод — на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотреть никакими законами. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами»²⁸.

Надеемся, с нами согласятся — в этом одном выводе, на наш взгляд, и есть весь результат конституционно-правового развития России за прошедшие три десятилетия, и вся логика дальнейшей конституционно-правовой модернизации государства: не

на разработку и принятие конституционных поправок (каковы бы они ни были) следует направить нам сейчас свои силы; не на бесконечное «совершенствование» принимаемых в развитие Конституции РФ законов и подзаконных актов расходовать свою энергию (ибо чаще всего это приводит лишь к кратному разрастанию нормативно-правовой базы со всеми вытекающими из такой «мутации» последствиями), а особо подчеркнем, на **созидание и укрепление**, выражаясь словами А.И. Солженицына, **чистой атмосферы общества, атмосферы жизни людей в согласии друг с другом и с непреложными человеческими истинами**, нашедшими свою ценностно-правовую фиксацию в положениях Конституции РФ об основах конституционного строя.

Иными словами, **нам бы сейчас человека окончательно не потерять (!)**; ведь именно в решении этой — глобальной по своему значению — задачи и состоит, как представляется, преодоление проблемы социального одиночества личности в современной России: только таким путем наша страна может стать по-настоящему социальным правовым государством — **«страной для жизни»** и, стало быть, совершить столь настоятельно диктуемый нынешними вызовами прорыв.

В заключение — вечный российский вопрос: что делать? Нравственность, самоограничение, долг — «три кита» нового российского конституционализма

Мы со всей очевидностью можем утверждать: право как важнейший и главенствующий (в современном мире) регулятор социальной жизни тем не менее обладает лишь ограниченным, а порой и весьма скромным, ресурсом, имея в виду его влияние на общие векторы развития общества (нации, социума).

Главный вектор социального движения, будет ли оно со знаком «плюс» или «минус», задается на этическом, духовно-нравственном уровне социальных взаимодействий.

Президент РФ об этом говорил, когда указывал на явный дефицит «духовных скреп» в российском обществе в наши дни; об этом же говорят и многие крупные ученые современности — правоведы здесь не исключение.

Так, например, В.Д. Зорькин пишет: «Правовая модернизация неразрывно связана с широко понимаемой социально-нормативной модернизацией общества»²⁹. При этом одним из ее ключевых факторов выступает «**нравственное воспитание масс**», о котором говорили Вл. Соловьев и другие выдающиеся российские мыслители. Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее

²⁶ Солженицын А.И. Указ. соч.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 92.

решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех (безусловно, существующих в стране) здоровых общественных сил, и — подчеркну особо — всей системы средств массовой информации. В первую очередь телевидения. Как это может быть организовано — отдельная непостоянная тема, которой я здесь касаться не буду. Подчеркну лишь, что такого рода *нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отстаивания системы духовно-моральных идеалов* (курсив мой. — Н.Д.)»³⁰.

Здесь же, думается, уместно напомнить и о точке зрения Г.В. Мальцева, который в одной из своих последних работ писал, что сегодня «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также, как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...»³¹, однако истинные «цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе»³².

По сути, об этом же, ссылаясь на мнения российских дореволюционных мыслителей, писал и А.И. Солженицын в своем эссе, которое составляет главный предмет анализа в данной статье: «возможности улучшить общество одними лишь политическими средствами — невелики. <...>. “Цель общества — установить между людьми нравственный порядок” (М.М. Сперанский). — “Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа” (А.К. Толстой). — “Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной” (В.О. Ключевский). <...>. Право — это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества. “Во многих случаях то, что является правом, запрещается моралью, которая обращается

к человеку с заповедями высшими и более строгими” (П.И. Новгородцев). <...> Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость — это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим»³³.

И действительно, по-другому и быть не может!

Обязанности человека и гражданина, а более широко — его морально-этические императивы, образующие в совокупности понятие долга (как долга гражданина либо как долга в его общечеловеческом, цивилизационном измерении), — формируют единственно возможный фарватер общественного прогресса: через понимание человеком долга к формированию индивидуального мировоззрения и коллективной философии сбалансированных прав и свобод личности (включая готовность к самоограничению) и, как результат, к достижению искомого уровня нравственной насыщенности любых социальных взаимодействий наряду с этической нетерпимостью к различным формам девиантного поведения — не только к противоправным деяниям, наказуемым по закону, но в т.ч. и к просто аморальным поступкам (включая и представление о таковых в сугубо бытовом измерении).

Полагаем, что здесь уместно акцентировать внимание на том, что обязанность как феномен социальной действительности, в сущности, выступает необходимым полюсом любого общественного отношения, без которого социальные взаимодействия попросту были бы невозможны; в этом смысле, в правовой сфере без понятия о юридической обязанности принципиально невозможно было бы «вдохнуть жизнь» ни в одно правовое предписание, ибо любое субъективное право, не укрепленное противостоящей ему юридической обязанностью, было бы не что иное, как *jus nudum*.

Если же говорить о взаимосвязи *обязанностей человека и гражданина с представлениями о долге и, как следствие, о движении по пути формирования индивидуального мировоззрения и коллективной философии сбалансированных прав и свобод личности (включая готовность к самоограничению)*, то следует особо поддержать в этом отношении точку зрения И.А. Ильина, который писал, что «честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке»³⁴. Именно поэтому *следует различать законопослушание и законоуважение. Законопослушание основано в основном на страхе, принуждении, в то время как законоуважение — на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву. Это является добровольной позицией индивида, обеспечивает*

³⁰ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 92.

³¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд. М., 2009. С. 88, 89.

³² Там же.

³³ Солженицын А.И. Указ. соч.

³⁴ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

соблюдение им закона *«не на страх, а на совесть»* (курсив мой. — Н.Д.)»³⁵.

Особо подчеркнем, что только через понятие о долге, через осознание и понимание людьми неразрывной связи прав и свобод личности с соответствующими обязанностями и ответственностью (в т.ч. с возможностью и необходимостью самоограничения) и сможем прийти к столь необходимой для Российской Федерации правовой модернизации, тем самым перейти на следующий этап конституционного развития, получить, наконец, *ту чистую атмосферу общества*, о которой писал А.И. Солженицын.

«Обязанности — необходимое условие оптимального взаимодействия государства, общества и личности. Без этого компонента невозможны ни сбалансированная политико-правовая система, ни эффективное правовое регулирование, ни четкий и разумный правовой порядок, ни другие состояния и проявления общественной жизни. Обязанности — залог нормального функционирования конституционных институтов, управления социальными и экономическими процессами, поддержания устойчивости, дисциплины и стабильности в обществе» (курсив мой. — Н.Д.)»³⁶, — отмечал Н.И. Матузов.

Безусловно, сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с проблемой ослабления роли социальных регуляторов.

Мы наблюдаем, что *мораль, отражением которой выступает общественная нравственность*, подпадает под еще большее негативное влияние, чем право: когда *основания социальной солидарности* оказываются под весьма большим вопросом в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, вне всякого сомнения, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы (особенно, если учесть, что понятие об этике в его изначальном смысле предполагает наличие свода правил человеческого общежития; а *общее* житие, разумеется, предполагает известное самоограничение каждого в интересах сообщества — путем отказа в определенной мере от собственной индивидуальности, уникальности, эгоизма).

Не замечать обозначенной выше проблемы означает ни больше ни меньше — *движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться*.

Представляется, что нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, *является не столько риском недостижения в обозримом*

будущем идеала цивилизации права, сколько вообще прямой угрозой любому правопорядку, пусть даже самому несовершенному.

И вновь обращаемся к ранее изложенному выводу А.И. Солженицына: «Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости»?³⁷

Полагаем, что отрицание этой, казалось бы, очевидной истины, ее игнорирование людьми в своей повседневной деятельности и самых разнообразных социальных взаимодействиях неминуемо ведет к разрастанию атмосферы нравственной разнузданности — сначала на бытовом уровне, затем на национальном, а далее — и глобально.

Мы разделяем мнение А.И. Солженицына, который совершенно справедливо отмечал: «XX век содрогается, разворачивается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи. Пришел крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии»³⁸.

К сожалению, спустя три десятилетия, подобный вывод Александра Исаевича характерен и для XXI в., весьма вероятно, даже в еще более резких выражениях.

Что же нам — в России — делать в такой сложнейшей ситуации?

Признаём, что после принятия в 1993 г. Конституции РФ многое в общественно-политической жизни государства стало чрезмерно фокусироваться вокруг положений ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». «Однако есть ведь и ответные слова, которые следует адресовать индивиду. Их немного, но какие же они емкие: *ответственность, обязанности, патриотизм* (курсив мой. — Н.Д.)»³⁹, — справедливо замечает проф. С.А. Авакьян.

Бесспорно, парадигма российского конституционализма предполагает усиление аксиологической роли таких постулатов, как *«гражданство обязывает», «собственность обязывает», «совесть обязывает»*. **Усиление духовно-нравственных основ всего общественно-политического уклада — вот сверхзадача на ближайшие два-три десятилетия и одновременно ответ на сформулированный выше вопрос: что делать?**

³⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

³⁶ Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Право и политика. 2016. № 1. С. 17.

³⁷ Солженицын А.И. Указ. соч.

³⁸ Там же.

³⁹ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 29.

Бесконечно прав был Александр Исаевич Солженицын, когда еще 30 лет назад, написал: «*Источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни, а уже потом — уровень промышленности.* Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие — не могут быть венцом человечества. *Чистота общественных отношений — основной, чем уровень изобилия* (курсив мой. — Н.Д.). *Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасёт её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит* (выделено мной. — Н.Д.)»⁴⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23, 24, 29.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 25, 44.
3. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 92.
4. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.
6. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд. М., 2009. С. 88, 89.
7. Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Право и политика. 2016. № 1. С. 17.
8. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.
9. Старостина Ю., Скрынникова А. Власти спрогнозировали максимальное сокращение населения России

⁴⁰ Солженицын А.И. Указ. соч.

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; 625026 г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86

за 14 лет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74> (дата обращения: 01.10.2020).

10. Эйнштейн А. Почему социализм? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (дата обращения: 01.10.2020).

REFERENCES

1. Avakian S.A. Russian constitutionalism: several theses on urgent tasks // Yurid. mir. 2015. No. 2. P. 23, 24, 29 (in Russ.).
2. Bondar N.S. Judicial constitutionalism: doctrine and practice. 2nd ed., rev. M., 2016. P. 25, 44 (in Russ.).
3. Zorkin V.D. The civilization of law and development of Russia. M., 2015. P. 92 (in Russ.).
4. Il'in I.A. Our tasks. M., 1992. P. 182 (in Russ.).
5. Ilyin I.A. Way to evidence. M., 1993. P. 247 (in Russ.).
6. Maltsev G.V. The moral foundations of law. 2nd ed. M., 2009. P. 88, 89 (in Russ.).
7. Matuzov N.I. Duties of a person and a citizen as a condition of democracy and social stability // Law and politics. 2016. No. 1. P. 17 (in Russ.).
8. Solzhenitsyn A.I. How do we equip Russia? Feasible considerations // Komsomolskaya pravda. Special issue. Brochure for newspaper. 1990. 18 Sep. (in Russ.).
9. Starostina Yu., Skrynnikova A. The authorities predicted the maximum reduction in the population of Russia for 14 years. [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74> (accessed: 01.10.2020) (in Russ.).
10. Einstein A. Why socialism? [Electronic resource]. — Access mode: URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (accessed: 01.10.2020) (in Russ.).

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary graduate of science and education of the Tyumen region, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of state and law of the Tyumen state University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia; chief researcher of the Tyumen Scientific Centre SB RAS; 86 Malygina str., 625026 Tyumen, Russia